

УДК 343

DOI 10.25513/1990-5173.2018.1.157-162

СНИЖАЕТСЯ ЛИ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ?

IS THE CRIMINALITY LOWERING IN RUSSIA?

М. П. КЛЕЙМЁНОВ (M. P. KLEYMENOV)

В статье доказываем, что в настоящее время нет оснований для утверждений о снижении преступности в России, поскольку при анализе игнорируется феномен нераскрытой преступности. В современной России сейчас раскрывается только 10 % преступлений.

Ключевые слова: криминологическая обстановка; нераскрытая преступность; регистрация преступлений; реальная раскрываемость преступлений; уголовная политика.

This article argues that currently, there are no grounds for claims on the reduction of crime in Russia, because the analysis ignored the phenomenon of unsolved crime. In modern Russia now only 10 % of crimes appear.

Key words: criminological situation; unsolved crime; registration of crimes; real crime; criminal policy.

В последние 10–15 лет наблюдается так называемое «великое снижение преступности» (great crime drop), которое фиксируется во многих странах мира, включая Россию. На прошедшей в начале сентября 2017 г. в столице Уэльса Кардиффе ежегодной конференции Европейского общества криминологов собрались социологи, юристы, экономисты, политологи, географы, химики, лингвисты и многие другие учёные. Обсуждаемые темы тоже разнились: убийства, наркотики, торговля людьми, виктимология, пространственные и временные модели преступности, гендерные аспекты насилия, ювенальная юстиция, работа полиции, жизнь в тюрьме, «умные» города и контроль за преступностью в них и т. д. Лейтмотивом почти всех докладов было плохо скрываемое сожаление по поводу относительно «великого снижения преступности». Все последние годы оно озадачивает исследователей в развитых странах, вызывая оптимизм и одновременно сожаление западных учёных: преступлений становится меньше (это хорошо), снижается общественная значимость криминологических ис-

следований и, как следствие, финансирование научных разработок (это плохо) [1].

Полагаем, что такие эмоции являются следствием снижения уровня компетентности криминологов и профанации криминологии. В России, например, широкое внимание привлекается к непрофессиональным с точки зрения криминологии публикациям и высказываниям сотрудников Европейского института правоприменения – В. Волкова, К. Титаева, М. Шклярук и др. В этих публикациях и выступлениях отсутствует знание криминологии и компетентный анализ криминологической обстановки, зато присутствует стремление выполнить неолиберальный заказ по обоснованию избыточной криминализации экономической деятельности в России [2].

Со времён становления науки криминологии известна статистическая неоднородность преступности. Так, А. Ж. Кетле всю массу преступлений делил на три категории: обнаруженные преступления с обнаруженными преступниками; обнаруженные преступления с неизвестными преступниками;

преступления и преступники, оставшиеся неизвестными [3]. В современной криминологической терминологии первая категория представляет собой феномен зарегистрированной раскрытой преступности, вторая – зарегистрированной нераскрытой преступности, третья – латентной преступности. Специфика каждого из них проявляется как в статистической, так и информационной природе. Выявленная раскрытая преступность со статистической точки зрения является периодической (складывается из числа преступлений, зарегистрированных и раскрытых в отчётный период). Нераскрытая и латентная преступность имеют кумулятивный характер (слагаются из преступлений в пределах их сроков давности). В информационном плане также существует явная специфика связей и причинности между криминальным событием и реагированием на него [4]. Эти три блока: раскрытая, нераскрытая и латентная преступность – и составляют единый феномен, и подвергать анализу необходимо все его части.

Однако во всём мире, как правило, в фокусе анализа оказывается зарегистрированная в текущем периоде (обычно за год) преступность без учёта её статистической и информационной неоднородности. В результате вывод о снижении преступности делается исключительно исходя из характеристики динамики числа зарегистрированных преступлений за ряд лет. Последовательное снижение российской преступности началось в 2007 г. Если в 2006 г. было зарегистрировано 3 855 373 преступления, то в 2007 г. – 3 582 541 (минус 8 %), а в 2016 г. – 2 160 063 (минус 44 %).

На первый взгляд это действительно позволяет говорить о том, что современная Рос-

сия вписывается в картину динамики мировой преступности, и, следовательно, здесь могут быть использованы объяснения «великого снижения преступности», предложенные западными криминологами: экономический рост (подъём всеобщего благосостояния привёл к уменьшению преступности), увеличение тюремного населения (все криминальные элементы сидят за решёткой, и преступления совершать больше некому), более эффективная или многочисленная полиция (полиция стала лучше работать и успевает предотвратить преступления), легализация аборт (потенциальные преступники из малообеспеченных и маргинализированных семей не рождаются), усиление иммиграционных потоков (иммиграция снижает уровень преступности), повышение потребительской уверенности (люди больше не покупают с рук краденые товары), демографический спад (преступность – удел молодых, а развитые страны стареют), технологическое развитие средств безопасности (камеры наружного наблюдения, GPS-трекеры, сигнализации и другие технологии позволяют эффективно раскрывать и предотвращать преступления). Можно и далее изошряться в поиске вполне правдоподобных объяснений снижения преступности, но нужно для начала установить, а действительно ли она снижается.

Прежде всего следует сопоставлять данные о числе зарегистрированных преступлений с количеством заявлений и сообщений о правонарушениях, поступивших в официальные органы. Обращает на себя внимание то, что количество таких заявлений в России постоянно увеличивается, а относительное число зарегистрированных преступлений уменьшается (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение количества рассмотренных заявлений и сообщений о правонарушениях и числа зарегистрированных преступлений в 2007–2014 гг., в абс. показателях и %

Зарегистрировано	Годы							
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Заявлений и сообщений	20 млн 529 380	21 млн 499 523	22 млн 788 829	23 млн 903 997	24 млн 733 853	26 млн 392 871	28 млн 387 122	29 млн 288 545
Преступлений	3 582 541	3 209 862	2 994 820	2 628 799	2 404 807	2 302 168	2 206 249	2 190 578
Соотношение показателей, %	17,4	14,9	13,1	10,9	9,7	8,7	7,7	7,5
Отказано в возбуждении уголовного дела	5 007 796	5 317 087	5 640 693	6 030 001	6 142 306	6 412 425	6 703 325	6 665 368

Источник: статистика ГИАЦ МВД РФ.

Из материалов табл. 1 усматривается, что с ростом числа заявлений и сообщений о правонарушениях наблюдается снижение количества регистрируемых преступлений. Это указывает на неадекватность правового реагирования на криминальные ситуации, причём заметна тенденция усиления такой неадекватности. В принципе не может быть такого, чтобы

количество заявлений о правонарушениях росло, а число зарегистрированных преступлений снижалось. Такое расхождение («ножницы») указывает на энтропийные процессы внутри системы уголовной юстиции.

Для сравнения обратимся к практике регистрации заявлений и сообщений о правонарушениях в советское время (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение количества рассмотренных заявлений и сообщений о правонарушениях и числа зарегистрированных преступлений в 1986–1990 гг., в абс. показателях и %

Зарегистрировано	Годы				
	1986	1987	1988	1989	1990
Заявлений и сообщений о правонарушениях	3 936 963	3 793 937	3 864 169	4 376 829	4 477 798
Преступлений	1 987 293	1 798 549	1 867 223	2 461 692	2 786 605
Соотношение показателей 2-й и 1-й строк, %	50,4	47,4	48,3	56,2	62,2

Источник: Преступность и правонарушения в СССР. 1990: статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 9.

Из сведений, представленных в табл. 2, видно, что в последнее пятилетие советского периода из года в год практически половина рассматриваемых материалов регистрировалась как преступления. В целом можно отметить тенденцию повышения индекса криминальности, если считать таковым рассматриваемое соотношение. Иными словами, всё большее количество заявлений и сообщений расценивалось как повод к возбуждению уголовного дела. При этом наблюдается согласованность динамики вариационных рядов: увеличение числа заявлений и сообщений о правонарушениях сопровождается ростом количества зарегистрированных преступлений. Такая согласованность указывает на адекватность правового реагирования на криминальные ситуации.

Таким образом, можно сделать вывод, что регистрируются далеко не все преступления из массива ставших известными криминальных деяний. В этом убеждают материалы Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Как заявил Генеральный прокурор РФ в 2012 г., результаты надзорной практики показывают, что каждое третье постановление об отказе в возбуждении уголовного дела принимается с нарушениями закона, количество которых в 2012 г. возросло на 11 % (до 2,6 млн) [5]. В докладе Генерального прокурора РФ на заседании Совета Федераций Федерального Собрания Российской Федерации

29 апреля 2014 г. отмечено, что в 2013 г. отмечено более 2,5 млн незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, выявлено свыше 158 тыс. преступлений, не получивших своевременного учёта. Состояние законности в данной сфере рассмотрено на заседании коллегии Генпрокуратуры. Обсуждение показало, что всё чаще допускаются факты неправомерного вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе вопреки позиции прокурора о наличии достаточных признаков преступления. Многочисленны примеры отмены прокурорами незаконных решений по одному и тому же заявлению пять и более раз [6].

Опираясь на статистические понятия, можно утверждать, что выборка регистрируемой преступности является нерепрезентативной по отношению к массе фиксируемых правонарушений: регистрируемых преступлений должно быть больше. Поэтому нет оснований говорить о снижении преступности, даже регистрируемой. Однако такое положение вещей понятно только специалистам. Для того чтобы они не возмущали общественное мнение и не опровергали оптимистичные заявления об улучшении криминологической ситуации, сведения о количестве рассмотренных заявлений и сообщений о правонарушениях и принятых по ним решениях с 2015 г. в открытой статистике не публикуются.

Существует и другой веский аргумент, опровергающий утверждения о снижении преступности в России в последние годы. Это феномен нераскрытой преступности, который игнорируется как практиками, так и учёными-криминологами. Опубликованная в 2015 г. в самом престижном юридическом

издательстве монография «Нераскрытая преступность» [7] осталась, по существу, незамеченной, очевидно потому, что научная общественность занята чтением исключительно собственных произведений.

Как известно, не все зарегистрированные преступления раскрываются (табл. 3).

Таблица 3

**Количество нераскрытых преступлений и показатель раскрываемости
в текущем периоде за 2008–2016 гг., абс. и %**

Количество преступлений	Годы								
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Нераскрытых	1 946 417	1 343 869	1 197 822	1 092 961	1 049 389	967 998	1 005 550	1 133 770	970 923
Процент раскрываемости	53,38	55,12	54,43	54,55	54,42	56,12	54,09	52,53	55,08

Источник: статистика Главного информационно-аналитического центра МВД РФ.

Почти половина из них остаются нераскрытыми, из года в год накапливаются (в пределах сроков давности) и образуют кумулятивное число. По статистическим данным (форма № 3 ЕГС «Сведения о зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых преступлениях»), статистическое множество нераскрытых преступлений на начало 2006 г. выражалось числом 13 903 164, на начало 2009 г. – 17 650 274, на начало 2011 г. – 17 925 826, на начало 2013 г. – 17 888 270, на начало 2016 г. – 10 108 841. Судя по этим цифрам, сведения о зарегистрированной преступности, которые ежегодно публикуются и обсуждаются, далеко не показывают её размер. В стране на начало 2016 г. зарегистрировано 12 497 317 преступлений (нераскрытые плюс вновь учтённые в 2015 г.), из которых раскрыто в 2016 г. только 9,7 %. По этим 12,5 млн преступлений должны даваться оценки о движении преступности, осуществляться аналитическая и оперативно-следственная деятельность. Иными словами, ни о каком снижении преступности нельзя говорить, если игнорируется огромный массив зарегистрированных, но нераскрытых преступлений прошлых лет. В противном случае аналитика превращается в оторванное от реальности пустое жонглирование цифрами.

В таких условиях вряд ли правильно делать вывод и о стабилизации состояния преступности, если только не иметь в виду управление статистическими массивами. О том, что такое управление существует, свидетельствует резкое сокращение массива зарегистрированных преступлений прошлых

лет: с 2013 по 2016 гг. он вдруг стал меньше на 7,5 млн деяний. Заметим, что практика прекращения уголовных дел по истечении сроков давности происходит кулуарно («в рабочем порядке») и сведения об этом не доводятся до широкой общественности.

Благополучная статистическая «картинка» динамики преступности и её раскрываемости свидетельствует против себя, сигнализируя, что «такого не может быть, потому что не может быть никогда». В стране не решена ни одна крупная социальная проблема, обладающая мощным криминогенным потенциалом (бедности и нищеты, безработицы, расчленения населения средствами массовой информации, алкоголизма и пьянства, наркомании), чтобы появились какие-то объективные предпосылки для снижения преступности.

Следует признать, что анализ состояния преступности находится на очень низком уровне, который, конечно, не соответствует вызовам современности.

Во-первых, необходимо коренным образом изменить практику оценки раскрываемости преступлений. Показатель раскрываемости должен обязательно учитывать кумулятивное число нераскрытых преступлений (рассчитываться по формуле, в числителе которой количество раскрытых преступлений в текущем периоде, а в знаменателе – объём преступности за данный год плюс кумулятивное число нераскрытых преступлений, уголовные дела о которых не прекращены). Тогда будет видна реальная картина раскрываемости преступлений (табл. 4).

Таблица 4

**Реальная и официальная раскрываемость по отдельным видам преступлений
за 2005, 2008, 2011, 2013, 2016 гг., %**

Преступления	Годы									
	2005	2005	2008	2008	2011	2011	2013	2013	2016	2016
Тяжкие и особо тяжкие	7,2	49,8	6,3	59,8	4,5	56,6	4,0	55,3	2,3	52,3
Убийство	29,0	85,4	17,8	88,0	13,1	84,8	11,8	88,1	9,8	90,4
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	20,8	73,4	16,2	81,2	16,4	84,1	15,5	87,8	17,1	91,0
Изнасилование	27,9	86,5	19,3	90,0	18,1	91,5	19,4	96,3	21,83	100,0
Кража	4,9	31,5	4,0	35,9	3,6	37,6	3,2	39,7	5,1	39,1
Мошенничество	46,0	66,3	28,6	63,0	16,6	59,2	12,9	46,3	7,2	26,2
Грабёж	8,7	29,7	5,2	36,7	3,5	46,5	3,1	53,4	3,4	59,6
Разбой	14,3	50,4	7,9	61,6	5,2	67,2	4,2	74,7	4,9	83,9
Всего	9,7	47,8	8,2	53,4	6,5	54,5	6,1	56,1	9,7	55,1

Источник: статистика МВД РФ (ф. 493).

Примечание. В таблице выделены реальные показатели.

Как видим, реальные сведения о раскрываемости преступлений принципиально отличаются от официально публикуемых: они существенно (иногда в десятки раз) меньше. При этом официальная картина раскрываемости в целом дышит оптимизмом: наблюдается неуклонный рост соответствующих показателей, что, по всей видимости, должно свидетельствовать о повышении эффективности деятельности правоохранительных органов и внушать мысль, что гражданам России находятся под их надёжной защитой. Реальная ситуация диаметрально противоположна: правоохранительные органы не могут эффективно решать поставленные перед ними задачи по борьбе с преступностью: фактические показатели раскрываемости преступлений удручающе низки и имеют тенденцию к снижению.

Во-вторых, анализировать важно не только показатели движения размера преступности (заметим, что «фрейм» преступности включает в себя: а) совокупность деяний, б) преступников, в) потерпевших и г) наступивших последствий), но и состояние криминологической обстановки. Криминологическая обстановка вбирает в себя и состояние преступности (понимаемое как комплексная характеристика, включающая в себя всё множество количественных и качественных параметров), и криминогенную ситуацию — систему детерминирующих преступность факторов, и криминальную деятельность как разновидность деловой активности (бизнеса),

и личностный криминогенный потенциал (состояние и динамику развития криминалитета, его социального, политического и экономического влияния), и виктимогенный потенциал (прогнозируемые группы риска и типичные реакции потерпевших на совершение преступлений), и реагирование государства и общества на преступные проявления в настоящее время и в обозримом будущем — словом, всё, что имеет отношение к общественно опасному отклоняющемуся поведению, его последствиям и социальным реакциям на эти проявления. Такой анализ на научной основе в настоящее время не осуществляется. Заманчивые перспективы здесь сулит использование Больших данных (Big Data), но это потребует качественного изменения системы криминологического анализа на практике.

Развитие капитализма в современной России на фоне тотальной криминализации общественных отношений привело к сокращению объёма общеуголовной преступности и формированию организованной экономической («беловоротничковой») преступности. Такой феномен А. С. Овчинский обозначил как интрузивно-деструктивно-мимикрийную (ИДМ) преступность. В отличие от «классической» организованной преступности, в значительной мере занимающейся как запрещёнными видами деятельности, так и криминальным контролем над легальной экономикой, ИДМ-преступность направляет свои усилия в основном на создание, под-

держание и развитие таких правовых и экономических отношений и социально-политических ситуаций в стране, которые позволяют обогащаться определённым слоем общества, уходя от ответственности. В отличие от теневой экономики, состоящей в незаконном производстве товаров и услуг, ИДМ-преступность занимается изъятием финансовых средств из бюджетов федерального, регионального и местного уровней. В отличие от коррупции, предполагающей участие государственных служащих в организованной преступной деятельности или теневой экономике, ИДМ-преступность поднимает коррумпированность общественных отношений на качественно новый уровень: реализуется такая законодательная политика, которая поддерживает, укрепляет и совершенствует систему правовых и финансовых отношений, позволяющих выводить из-под уголовной ответственности деяния, максимально способствующие личному обогащению заинтересованных лиц и наносящие наибольший урон экономике страны [8].

Именно ИДМ-преступность представляет главную угрозу национальной безопасности, но объективный анализ её распространённости и реальной общественной опасности требует осуществления независимых научных исследований. Это возможно только при условии изменения курса уголовной политики, направленного на защиту интересов капитала, настойчиво реализуемого все последние годы [9].

1. См.: Великое снижение преступности // Открытая полиция: проект Комитета граждан-

- ских инициатив : [сайт]. – URL: <https://open-police.ru/news/velikoe-snizhenie-prestupnosti/>.
2. См.: *Тумаев К., Четверикова И.* Избыточная криминализация экономической деятельности в России: как это происходит и что с этим делать // Институт проблем правоприменения : [сайт]. – М., 2017. – URL: <http://www.enforce.spb.ru>.
3. *Кетле А. Ж.* Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей. – Киев, 1911. – С. 262–263.
4. См.: *Бафия Е.* Проблемы криминологии. Диалектика криминогенной ситуации. – М. : Юрид. лит., 1983. – С. 41–43.
5. В Генеральной прокуратуре России состоялось заседание коллегии по вопросу практики прокурорского надзора за законностью принятия органами дознания и следствия решений об отказе в возбуждении уголовного дела // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <http://www.genproc.gov.ru/special/smi/news/news-83261>.
6. Доклад Генерального прокурора РФ на заседании Совета Федераций Федерального Собрания Российской Федерации 29 апреля 2014 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <https://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-145875>.
7. *Клеймёнов М. П., Клеймёнов И. М.* Нераскрытая преступность. – М. : Норма : Инфра-М, 2015. – 208 с.
8. См.: *Овчинский А. С.* Информационное воздействие и организованная преступность. – М. : ИНФРА-М, 2007. – С. 76–77.
9. См.: Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. – 196 с.; *Клеймёнов М. П.* Профанация уголовной политики // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 3 (52). – С. 131–134.